

Научная статья
УДК 141.32(489):821.133.1-312.1
DOI 10.37724/RSU.2021.70.1.013

Творчество Сёрена Кьеркегора и влияние его философии на французский экзистенциалистский роман

Владислав Игоревич Авраменко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
avramenkowl@gmail.com

Аннотация. В статье выявляются предпосылки, обусловившие модификацию формы французского философского (экзистенциалистского) романа в середине XX века. На примере творчества Сёрена Кьеркегора показана связь поэтики экзистенциалистского произведения с философией. Определено существенное влияние на творчество французских экзистенциалистов не только идей датского мыслителя, но и соответствующей этим идеям найденной им формы философского поиска. Выявлены особенности этой формы: философское исследование параллельно в художественной и трактатной (или эссеистской) формах, их вступление в диалог, в ходе которого обе части поясняют и дополняют друг друга. Такой способ развития философской идеи и сама специфика экзистенциалистской философии определяют характер философского романа. Исчезает присущая «классическому» философскому роману необходимость прямого изложения идей. С помощью различных средств развивается выражение философии, а не ее высказывание. Отсюда — исчезновение в романе героя-резонёра, отсутствие исходной философемы (заданности философской проблемы) и другие особенности поэтики, которые еще предстоит изучить. Материалы исследования могут быть использованы при создании учебников и различных пособий по французской и зарубежной литературе, при разработке курсов лекций и практических занятий по литературе в высших учебных заведениях, при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова: С. Кьеркегор, философия и литература, философский роман, экзистенциализм, экзистенциалистский роман.

Для цитирования: Авраменко В. И. Творчество Сёрена Кьеркегора и влияние его философии на французский экзистенциалистский роман // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 128–136. DOI: [10.37724/RSU.2021.70.1.013](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.013).

Original article

Soren Kierkegaard's Philosophy and its Influence on French Existentialist Novels

Vladislav I. Avramenko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
avramenkowl@gmail.com

Abstract. The article treats the prerequisites for the transformation of French existentialist novels in the middle of the 20th century. Soren Kierkegaard's philosophy is used to show the connection between philosophy and existentialist poetics. The author of the article maintains that French existentialist writers were influenced not only by the Danish philosopher, but also by the latter's method of philosophical inquiry. The author singles out some characteristics of the method: philosophical inquiry develops parallel with literary development, literary and philosophical patterns intertwine and complement each other. The method of philosophical inquiry and the peculiarities of existential philosophy determine the peculiarities of philosophical novels. The direct presentation of ideas typical of classical philosophical novels is no longer required, philosophical expressiveness prevails over philosophical description. The characters of existentialist novels no longer need to philosophize, philosophical problems don't have to be set. The materials of the research can be used to create textbooks and manuals on French and foreign literature, to create lectures and seminars in literature in higher education institutions, to write term papers and graduation papers.

Keywords: S. Kierkegaard, philosophy and literature, philosophical novel, existentialism, existentialist novel.

For citation: Avramenko V. I. Soren Kierkegaard's Philosophy and its Influence on French Existentialist Novels. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021, 1 (70):128–136. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.70.1.013.

Введение

В середине XX века во Франции экзистенциализм стал не только ведущей философской системой, но и наиболее ярким модернистским направлением в литературе. Это время — второй период после эпохи Просвещения, когда философия и литература соприкасаются особенно тесно и когда жанр философского романа в литературе выходит на первый план. Однако французские экзистенциалисты Альбер Камю, Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр, хотя и являются наследниками просветительской традиции *развивать философские идеи в художественном произведении*, пишут романы совсем не похожие на «классический» философский роман XVIII века. Исследователями Н. В. Забабуровой и С. Г. Семёновой отмечается преемственность между просветительским романом и экзистенциалистским, однако то, что известно науке о жанре философского романа (крупнейшими разработками в этой области являются монографии В. В. Бикульчюса и В. В. Агеносова), трудно приложить к экзистенциалистским произведениям. Его поэтика, таким образом, оказывается еще не полностью изученной.

Основные **цели** данного исследования заключаются в уяснении причин кардинальной трансформации жанра философского романа во Франции в XX столетии и выявлении особенностей взаимосвязей философии и литературы в творчестве экзистенциалистов. Для решения поставленных целей мы обратились к истокам экзистенциализма, к тому переломному периоду в европейской философской мысли, когда была поставлена под сомнение адекватность традиционного философского поиска истины, когда «системная» философия начала подвергаться активной критике и стали закладываться принципы совершенно нового типа философского творчества.

Основная часть

Экзистенциализм — это, наверное, самая противоречивая философия своей эпохи, которая постепенно «подпитывалась» великими умами Европы XIX и XX веков, разрушая привычное представление человека о собственном существовании и своем пребывании в этом мире. Что же объединяет разнородные философские учения, которые относят к направлению экзистенциализма? Все они концентрируются на *человеческом существовании* (existence) и имеют ярко выраженную антропологическую направленность. Экзистенциализм формируется как своеобразная реакция на философию рационалистического толка.

Критикуя философию рационализма, экзистенциалисты противопоставляют «...классическому рефлексивному анализу того, каким должно сделать себя реальное индивидуальное сознание, чтобы познавать мир объективно и рационально... <...> ...*Конкретный опыт человеческого существования*» (курсив мой. — В. И.) [Современная западная ... , 2000, с. 128].

Первый шаг к этому сделал датчанин Сёрен Обье Кьеркегор. Как бы сильно ни отличались друг от друга философские взгляды экзистенциалистов XX века, все они в большей или меньшей степени, косвенно или прямым образом испытали влияние идей Кьеркегора. Именно Кьеркегор заложил основы этого направления еще в середине XIX века. Резко подвергая критике доминирующую в то время рационалистскую философию Гегеля, он не принимал единую, общую для всех истину, но искал истину *субъективную* («...субъективность... и есть истина» [Кьеркегор, 2005б, с. 301]).

Этот поиск означал поистине великую перемену в философской мысли XIX века. «...Кьеркегор, — считает К. Долгов, — ломает тысячелетнюю традицию западноевропейской философии» [Долгов, 1991, с. 11]. Именно Кьеркегор стал первым говорить о тех крайних точках эмоциональной жизни, «пограничных ситуациях», в момент которых человеку открывается его подлинное существование [Кьеркегор, 2014, с. 11]. Он первый «...явственно поставил проблему выбора как конституирующего элемента человеческой личности» [Там же].

В философии теперь доминируют новые проблемы, изменяется и сам способ философствования. «Экзистенциализм ставит философию, — пишет Леонид Андреев, — *на грань*

искусства, поскольку предметом философствования делал индивидуальное и конкретное, личность и ее выбор» (курсив мой. — В. И.)» [Андреев, 2004, с. 127]. Экзистенциализм противопоставит традиционной для философии XIX века строгой системности ¹. Экзистенциалисты не спешат решить все проблемы, их философия — это философия рефлексии и вопроса. Главная заслуга такой философии состоит в ее умении задавать вопросы. Философствовать в литературе и *философствовать литературно* — уже *необходимость*, и Кьеркегор был первым, кто эту необходимость осознал.

Творчество Кьеркегора — первый пример экзистенциалистского способа философствования. Проанализируем некоторые аспекты «Или-Или» — главного произведения датского мыслителя, которое обозначило новую философскую проблематику и круто изменило саму природу философского поиска.

Полный русский перевод философского трактата «Или-Или» осуществлен переводчиками не так давно — в 2011 году. До этого выходила небольшая часть всей работы — роман «Дневник соблазителя». Следовательно, в Беларуси и России еще недостаточно хорошо знакомы не только с философскими идеями датского мыслителя, но и с истоками *формы* экзистенциалистской философии.

В «Или-Или» Сёрен Кьеркегор описывает три стадии человеческого существования: эстетическую, этическую и религиозную. Вся совокупность критических статей (это тексты, посвященные художественным образам Дон Жуана, Антигоны, Фауста и другим литературным персонажам) первой части трактата формирует общую концепцию эстетической стадии. Главным действующим лицом и высшим воплощением эстетической стадии становится здесь Дон Жуан, символизирующий *наслаждение, страсть и желание* ².

Дон Жуан Кьеркегора, постоянно пребывая в настоящем моменте своей жизни (для эстетика время стоит, нет будущего, есть только непрерывное настоящее), берет от жизни всякое наслаждение, которое только представляется возможным взять. Дон Жуаном движет его страсть (значимость выбора эстетик еще не осознал), своей свободой он упивается постоянно и в полной мере: «Он желает, и само желание здесь воздействует соблазнительно. В этом смысле он действительно соблазняет. Он наслаждается удовлетворением желания; но как только он его утолил, тут же ищет новый предмет, — и так продолжается бесконечно» [Кьеркегор, 2014, с. 122].

Для философии экзистенциализма образ Дон Жуана имеет огромное значение. С его анализа, с одной стороны, и дальнейшей разработки — с другой, начинается постепенный, долгий путь освобождения человека, который продолжают затем немецкие и французские экзистенциалисты. Процесс этот противоречивый: освобождая человека, экзистенциализм тут же стремится его свободу ограничить и накладывает на него обязательство ответственности за свой выбор. Жизнь, состоящая лишь из поиска наслаждения, — фрагментарна, пуста и бессмысленна, и эстетик это однажды понимает. От эстетической стадии человек движется к *этической*.

Вторая часть «Или-Или» представляет собой письма этика, некоего судьи Виллема, обращенные к автору первой части. В письмах, содержащих рассуждения об «эстетической значимости брака» и о «равновесии между эстетическим и этическим», раскрывается значимость осознанного выбора, чувства долга и ответственности. Выбор — это то, что определяет этика, придает его жизни целостность и формирует его будущее, в то время как жизнь эстетика — это настоящее без будущего. В отличие от эстетика, который не в состоянии контролировать преходящие моменты наслаждения в своей жизни, этик становится проектом своего собственного существования. В «Или-Или» мы видим истоки того положения, которое спустя сто лет будет подробно изложено Сартром в его философии: человек есть проект самого себя; выбирая, он этот проект осуществляет в действительности.

Однако для Кьеркегора, как отмечает автор перевода «Или-Или» на русский язык Наталья Исаева, не существует каких-либо преимуществ этической стадии перед эстетической, ибо они равнозначны: «...противопоставление позиций А и Б не несет в себе никакого оценочного момента: позиции “эстетика” и “этика” по существу равновозможны и допустимы, — ни одна из них не “лучше” и не “правильнее” другой; превосходит и снимает их лишь истинно религиозное сознание»

¹ Эта особенность экзистенциализма не исчезает и в XX веке. «...Сама философия писателей сартровского круга и их предшественников (в частности, Мальро) — нечто очень отличное от того философского умозрения, где научная строгость доводов, а значит непреложная общеобязательность заключений почитается превыше всего. Старое русское слово “любомудрие”, если отбросить приставший к нему оттенок насмешки, в случае с “философией существования” кажется весьма кстати», — пишет Самарий Великовский [1973, с. 4].

² Камю в своем философском эссе «Миф о Сизифе» также обращается к этому образу, причем трактовки его у обоих философов во многом сходятся.

[Кьеркегор, 2014, с. 64]. Само название трактата «Или-Или» указывает на равнозначность вариантов, на постоянное колебание этического и эстетического, а следовательно этическая стадия не решает главной проблемы — проблемы выбора, с которой сталкивается человек. Да, индивида формирует выбор, но его смысл ускользает. Отчаяние настаивает, в конце концов, и этика. Отчаяние этика — это сомнение. Сомнение в выборе, сомнение в принципе «мы делаем, что можем» перед лицом смерти. Отчаяние этика — это и страх оказаться «правым перед Богом», а значит потерять всякую опору и убежище. Поэтому человек религиозный «перед Богом всегда не прав», поскольку только так он укрепляет свою любовь к Нему, и эта любовь, в свою очередь, укрепляет и его.

Удивительное и звучащее пророчески предостережение мы находим на последних страницах «Или-Или»: «Можешь ли ты желать быть правым, можешь ли ты желать, чтобы тот прекрасный закон, который тысячелетиями вел по жизни поколения людей и каждого отдельного члена человеческого рода, — можешь ли ты желать, чтобы тот прекрасный закон, что сам по себе был куда замечательней всех законов, направляющих звезды по их орбитам вдоль небесного свода, — можешь ли ты желать, чтобы этот закон был нарушен? Ведь это было бы катастрофой куда более ужасной, чем та, что случилась бы, потеряй силу все законы природы и приди все вокруг в состояние страшного хаоса! Можешь ли ты этого желать?» [Кьеркегор, 2014, с. 773]. Религиозный человек должен совершить то, что Альбер Камю в своем «Мифе о Сизифе» назовет философским самоубийством — прыжок веры, чтобы обрести Бога. Для Камю это означает устранить абсурд, а абсурд для французского мыслителя — исходная точка всей философии, борьба с ним дает человеку смысл в жизни. Уже здесь видно существенное различие атеистического экзистенциализма от экзистенциализма религиозного.

Французский экзистенциализм, хотя и продолжатель философии Кьеркегора, фокусируется на жизни человека без Бога, рассматривает «прыжок веры» как слабость. Там, где Кьеркегор усматривает истину и исцеляющую силу, Сартр и Камю видят только иллюзии, которые уведут человека от правды. Французский экзистенциализм довольно необычно заимствует основные философские концепты Кьеркегора и интерпретирует их с атеистических позиций таким образом, что это начинает менять их изначальный смысл. Религиозная стадия, представленная более подробно в других философских работах Кьеркегора, не нашла, как и стадия этическая, своего воплощения в художественном произведении. Эта часть трактата оформлена в виде проповеди священника и называется «Ультиматум».

В «Или-Или» можно усмотреть диалектический способ философствования: диалог между эстетиком, этиком и проповедником своеобразно реализует схему «тезис — антитезис — синтез». Только в диалоге возможно найти ту истину, которую искал Кьеркегор. Однако для нашего исследования любопытен диалог совсем другого порядка.

В «Или-Или», помимо критических статей, включен роман «Дневник соблазнителя». Это произведение вставлено в первую часть трактата с особой целью. Кьеркегор уже во вступлении романа дает понять о специфическом его содержании: «Мне было довольно трудно разместить их [письма] в надлежащем порядке, так как они не помечены числами; впрочем, это все равно ничуть не облегчило бы задачи: в самом дневнике, по мере его развития, все реже и реже встречаются указания на день и число. Указания эти становятся как будто лишними, настолько знаменательным делается само содержание дневника; оно, *несмотря на свою фактическую подкладку, становится почти идеей* (курсив мой. — В. И.)» [Кьеркегор, 2005а, с. 17]. На самом деле, можно сказать, что идеей содержание «Дневника» становится в полной мере. «Дневник соблазнителя» является первым экзистенциалистским философским романом, но этот философский роман уже совсем не похож на те сказки, диалоги и романы, которые писали философы XVIII века. Иоханнес, главный герой «Дневника», хотя и является глубоко и постоянно рефлексирующим персонажем, вовсе не относится к категории героя-резонера. Он рассуждает, строит планы, рассказывает самому себе о своих чувствах, но он не философствует. Иоханнеса не мучают противоречия и не терзают философские идеи, он ничего не открывает для себя и ничего не доказывает, он всего лишь соблазнитель девиц. В романе нет ни героев-идеологов, ни интеллектуальных и философических размышлений и разговоров. Философия в романе вообще почти никак себя не выдает. Только ближе к концу дневника появляется единственная по-настоящему философская запись и обнаруживается даже термин «бытие для другого». Именно так определяет Иоханнес природу женщины. Но главный смысл произведения заключен не в этом рассуждении, в самом романе нет такого тезиса, который определял бы его содержание и всю его поэтику.

Если читать «Дневник соблазнителя» впервые отдельным томиком, вне всего трактата, то можно и не догадаться даже о той его идейной глубине, на которую намекает Кьеркегор. Все потому

— и это само важное — что в «Или-Или» Кьеркегор устанавливает особые отношения между философией и художественным произведением. Именно трактатная часть «Или-Или», какой бы антисистемной она ни казалась, продуцирует собственно философские идеи, а «Дневник соблазителя» входит в особый *диалог* с этой частью произведения.

Дублировать философское содержание трактата в романе через реплики персонажей просто излишне. Доказывать философские идеи «Или-Или» в «Дневнике» также не имеет смысла, ибо такой примитивный дидактизм Кьеркегор не приемлет. «Дневник соблазителя» не иллюстрирует философскую идею, не доказывает, не проверяет ее «в полевых условиях», *он ее дополняет*, показывает то, о чем говорить невозможно. Форма романа-дневника позволила Кьеркегору выразить об эстетической жизни то, что не позволяли логика и критический анализ.

В трактате даже отражен сам процесс поиска нужной формы. Возможно ли в искусстве изобразить человеческое существование, суть которого — необузданная чувственность, страсть и свобода? Кьеркегор приходит к выводу, что именно музыка (опера Моцарта «Дон Жуан») способна в полной мере выразить этот порыв человеческого существа: «Душевная любовь — это пребывание во времени, чувственная же — исчезновение во времени; но тогда средство, выражающее последнюю, — это, конечно же, музыка. Музыка прекрасно подходит для осуществления всего этого, поскольку она намного абстрактнее языка, а потому выражает не отдельное, но всеобщее во всей его всеобщности, — и все же она выражает всеобщность не в абстракции рефлексии, но в конкретности непосредственного» [Кьеркегор, 2014, с. 119].

Кьеркегор считает, что Дон Жуана как воплощение *чувственной гениальности* нельзя представить в полной мере в каком-либо ином виде искусства, кроме музыки. Вот, например, что Кьеркегор говорит о «Дон Жуане» Мольера: «Похоже, что Мольер пытался сделать из своего Дон Жуана нечто большее, похоже, что он стремился сохранить в нем идеальное начало, однако тут уж нашему автору не хватило средств выражения, — а потому даже то, что в пьесе действительно происходит, не достигает своей цели» [Кьеркегор, 2014, с. 139]. Дон Жуан, полагает датский философ, не может быть представлен и с помощью балета: «Дон Жуан — это внутренняя данность, и потому он не может стать видимым или проявить себя через телесные формы или в пластической гармонии» [Там же, с. 130]. В то же время Кьеркегор пишет: «...мы можем добиться чего-то соответствующего музыкальной идеальности, только перенося образ в психологическую сферу» [Там же, с. 132]. И он сам берется за разработку этого образа в художественной составляющей своего трактата.

«Дневник соблазителя» — не обычная эротическая история. Иоханнес, «Дон Жуан» этой истории, — первый герой в художественном произведении, который выражает идеи философии экзистенциализма. Здесь «Дон Жуану» не нужно соблазнять тысячи девушек, достаточно одной: «Непосредственный Дон Жуан должен соблазнить 1003 девушки; рефлексивному достаточно соблазнить одну, — нас интересует здесь, как именно он это делает» [Кьеркегор, 2014, с. 132]. Выстраивая стратегию соблазнения юной Корделии, Иоханнес не просто завоевывает девушку, он *наслаждается* самим процессом соблазнения, вкушает этот процесс. В этом проявляется сущность эстетической стадии существования. «Дневник соблазителя» раскрывает жизненность эстетика, исследует его *сознание*, образ его мыслей и особенности его психологии.

Когда есть трактат, исчезает необходимость *высказывания* философии в романе — ее начинает *выражать* сам роман эстетической рефлексией, апелляцией не столько к разуму, сколько к чувству читателя, *косвенным сообщением*.

Н. Исаева приходит к выводу, что подобный способ коммуникации с читателем оказывается важным «...не как беллетристическая оболочка, но как единственно живая, действенная форма для нового содержания» [Исаева, 2014, с. 23]. По ее мнению, для Кьеркегора «...косвенное сообщение, философия как творческий порыв, философия, ищущая себе поэтическую форму выражения, — это единственный достойный способ связи для свободного духа в его поисках со-сердечных слушателей» [Там же, с. 24].

Сущность косвенного сообщения и его отличие от дидактики прекрасно передают следующие слова датского философа: «Остановить человека на улице и самому остановиться, чтобы поговорить с ним, не так трудно, как говорить нечто проходящему мимо, продолжая идти, то есть не останавливаясь самому и не задерживая своего собеседника, и при этом не вынуждая того свернуть со своего пути и идти вместе с вами, но напротив, побуждая его идти собственным путем» [Кьеркегор, 2005б, с. 300]. Косвенное сообщение может проявлять себя по-разному. У Кьеркегора это постоянное *использование псевдонимов, фрагментарность повествования, незавершенность и несистематичность философии* [См. там же, с. 11], то есть набор средств, который позволяет выразить нечто *не прямым образом*.

«Дневник соблазителя» не может раскрыть в полной мере свое содержание без трактатной части, и сам трактат без романа не сможет донести одну из своих центральных идей. Не столько

желанием популяризовать идеи, сколько необходимо диктовалось использование экзистенциалистами художественной литературы в своих исследованиях.

Ги Бушар, рассуждая о литературе и философии экзистенциализма, задается вопросом: это роман эволюционировал и вступил в свой «философский возраст», или сама философия *романизируется*? [Bouchard, 1976, p. 466]. Найти здесь однозначный ответ будет сложно, но ясно, что именно здесь мы имеем дело со случаем, где литература наиболее очевидно выполняет *функции философии*.

С. Г. Семёнова, специалист по французскому экзистенциалистскому роману, считает, что «...сам характер этой философии, ставящий в центр осмысления бытия субъективность отдельного человеческого сознания, приводит к тому, что она [философия] не может быть исчерпывающе изложена в чисто теоретической форме» [Семёнова, 1973, с. 5]. Так, например, исследуя творчество Сартра, она приходит к выводу, что в «Тошноте» «...наглядно пересматривается сама *природа философской идеи*: она уже не продукт абстрактно-логического мышления человека, а субъективное, личное переживание ее в конкретной экзистенции (курсив мой. — В. И.)» [Там же, с. 8].

Художественные произведения Камю, Сартра и Бовуар, конечно, не так сильно зависимы от их философских работ, как «Дневник соблазнителя» Кьеркегора от остальной части «Или-Или». И все же творчество Кьеркегора и французских экзистенциалистов развивается по одной модели в соответствии с природой экзистенциалистской философии. Известно, что Альбер Камю на каждом из этапов своего творческого пути работал одновременно в нескольких жанрах, которые дополняли друг друга и формировали вместе единую философскую концепцию. Вспомним известную трактовку «Постороннего» Сартром, где говорится, что роман Камю дает возможность *почувствовать* то, что *объясняет* «Миф о Сизифе». Так же тесно связаны между собой романы и философские трактаты Сартра и Симоны де Бовуар.

Романы французских экзистенциалистов часто писались до создания собственно философских произведений. «Тошнота» появляется раньше «Бытия и ничто», «Посторонний» раньше «Мифа о Сизифе» и «Чума» значительно раньше «Бунтующего человека». Однако, на наш взгляд, это не сильно влияет на роман ³ — он все равно образует диалогическую пару с философским эссе или трактатом, где обе части друг друга дополняют и где у каждой есть своя определенная задача.

У французских экзистенциалистов есть потребность в четком изложении концепций: они профессиональные философы (за исключением Мальро). Но трактатов, эссе и статей оказывается просто недостаточно. Философия и литература здесь друг другу помогают ⁴. Это приводит к тому, что романы и философские произведения экзистенциалистов образуют как бы *одно художественное целое*. В определенном смысле это делает романы экзистенциалистов уязвимее философских романов XVIII века. Они не обладают той самостоятельностью в развитии философской идеи, которой обладали произведения Руссо и де Сада. У де Сада персонажи в романе высказывают все «до последней капли», философская мысль здесь на поверхности, ее не нужно искать. Усвоение же экзистенциалистской философии предполагает обращение не только к художественному произведению, но и к собственно философскому.

Заключение

Сёрен Кьеркегор, ставя перед философией новые задачи, определяя новую ее проблематику, находит соответствующую модель философствования, которой будет следовать затем и французский экзистенциализм. Для этой модели характерно философское исследование параллельно в художественной и трактатной (или эссеистской) формах. При этом философская и художественная части вступают друг с другом в диалог, друг друга проясняют и дополняют.

Такой способ развития философской идеи и сама специфика экзистенциалистской философии определяют характер философского романа. Исчезает присущая «классическому» философскому роману необходимость прямого изложения идей. С помощью различных средств развивается *выражение* философии, а не ее высказывание. Отсюда исчезновение героя-резонёра в

³ Изучение дневников Камю показывает, что философская мысль и планирование художественного произведения развиваются параллельно. «Тошноте» же Сартра сопутствует выход феноменологических статей.

⁴ Причем в художественных произведениях происходит именно философский поиск, а не иллюстрация найденных истин: «...Философская мысль являет тут себя не как совершенно готовый результат, а непосредственно в ходе неровной, извилисто протекающей деятельности ума по нащупыванию одного из возможных решений», — пишет С. Великовский [1979, с. 15].

экзистенциалистском романе, отсутствие в нем исходной философемы (заданности философской проблемы) и другие особенности его поэтики, которые еще предстоит изучить.

Список источников

1. Агеносов В. В. Генезис философского романа. — М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1986. — 131 с.
2. Андреев Л. Г., Карельский А. В., Павлова Н. С. [и др.] Экзистенциализм // Зарубежная литература XX века : учеб. для вузов / под ред. Л. Г. Андреева. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. шк., 2004. — С. 127–149.
3. Бикунчюс В. В. Поэтика философского романа. — Вильнюс : Шяуляйский пед. ин-т им. К. Прейкшаса, 1988. — 71 с.
4. Великовский С. И. Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю. — М. : Искусство, 1973. — 240 с.
5. Великовский С. И. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции. — М. : Худож. лит., 1979. — 295 с.
6. Долгов К. М. От Кьеркегора до Камю. Философия, эстетика, культура. — М. : Искусство, 1991. — 401 с.
7. Забурова Н. В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра. — М. : Изд-во УРАО, 1999. — 232 с. — URL : <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/zababurova-francuzskij-filosofskij-roman.htm> (дата обращения: 11.03.2019).
8. Исаева Н. Выбор духа — бессмертие навзрыд : вступ. ст. // Кьеркегор С. Или-Или. Фрагмент из жизни. — М. : Академический проект, 2014. — С. 7–27.
9. Кьеркегор С. Дневник обольстителя. — СПб. : Азбука-классика, 2005а. — 240 с.
10. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005б. — 680 с.
11. Кьеркегор С. Или-Или. Фрагмент из жизни. — М. : Академический проект, 2014. — 774 с.
12. Сартр Ж.-П. Объяснение «Постороннего». — URL : <http://noblit.ru/node/1131> (дата обращения: 28.09.2019).
13. Семенова С. Г. Философский роман Ж.-П. Сартра и А. Камю. «Тошнота» и «Посторонний» : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.01.05. — М., 1973. — 25 с.
14. Современная западная философия / под общ. ред. Т. Г. Румянцева. — Мн. : Вышэйшая школа, 2000. — 493 с.
15. Bouchard G. Littérature et philosophie // Études littéraires / éd. Département des littératures de l'Université Laval. — Québec, 1976. — N 9 (3) — P. 435–468.

References

1. Agenosov V. V. *Genesis filosofskogo romana* [The Genesis of a Philosophical Novel]. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1986, 131 p. (In Russian).
2. Andreev L. G., Karel'skij A. V., Pavlova N. S., et al. Existentialism. *Zarubezhnaja literatura XX veka* [Foreign Literature of the 20th Century]. Andreev L. G. (ed). Moscow, Higher School Publ., 2004, pp. 127–149. (In Russian).
3. Bikul'chjus V. V. *Pojetika filosofskogo romana* [Poetics of Philosophical Novels]. Vilnius, Siauliai Pedagogical Institute named for K. Preiksas Publ., 1988, 71 p. (In Russian).
4. Velikovskij S. I. *Grani "neschastnogo soznaniya". Teatr, proza, filosofskaja jesseistika, jestetika Al'bera Kamju* [The Facets of an Unhappy Mind. Albert Camus' Plays, Prose Fiction, Philosophical Essays, Aesthetics]. Moscow, Art Publ., 1973, 240 p. (In Russian).
5. Velikovskij S. I. *V poiskah utrachennogo smysla. Oчерki literatury tragicheskogo gumanizma vo Francii* [Searching for Lost Sense. Literary Essays of Tragic Humanism in France]. Moscow, Belles Lettres Publ., 1979, 295 p. (In Russian).
6. Dolgov K. M. *Ot Kirkegora do Kamju. Filosofija, jestetika, kul'tura* [From Kierkegaard to Camus. Philosophy, Aesthetics, Culture]. Moscow, Art Publ., 1991, 401 p. (In Russian).
7. Zababurova N. V. *Francuzskij filosofskij roman XVIII veka: samosoznanie zhanra* [French Philosophical Novels in the 18th Century: Genre Identity]. Moscow, University of the Russian Academy of Education Publ., 1999, 232 p. URL : <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/zababurova-francuzskij-filosofskij-roman.htm> (accessed: 11.03.2019). (In Russian).
8. Isaeva N. The Choice of Spirit. Eternity. An Introduction. *K'erkegor S. Ili-Ili. Fragment iz zhizni* [S. Kierkegaard. Either/Or. An Episode in One's Life]. Moscow, Academic Project Publ., 2014, pp. 7–27 (In Russian).

9. Kierkegaard S. *Dnevnik obol'stitelja* [The Diary of a Seducer]. St. Petersburg, ABC-Classis Publ., 2005a, 240 p. (In Russian).
10. Kierkegaard S. *Zakljuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim kroham"* [A Non-scientific Afterword to Philosophical Crumbs]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2005b, 680 p. (In Russian).
11. Kierkegaard S. *Ili-Ili. Fragment iz zhizni* [Either/Or. An Episode in One's Life]. Moscow, Academic Project Publ., 2014, 774 p. (In Russian).
12. Sartre J.-P. *Objasnenie "Postoronnego"* [Interpreting the "Stranger"]. Mode of access : <http://noblit.ru/node/1131> (accessed 28.09.2019). (In Russian).
13. Semenova S. G. *Filosofskij roman Zh.-P. Sartra i A. Kamju. "Toshnota" i "Postoronnij"* [J.-P. Sartre's and A. Camus' Novels. "Nausea" and "Stranger"]. Moscow, 1973, 25 p. (In Russian).
14. Rumjanceva T. G. (ed.). *Sovremennaja zapadnaja filosofija* [Modern Foreign Philosophy]. Minsk, Higher School Publ., 2000, 493 p. (In Russian).
15. Bouchard G. *Littérature et philosophie. Études littéraires*. Québec Département des littératures de l'Université Laval Publ., 1976, no. 9 (3), pp. 435–468. (In French).

Информация об авторе

Авраменко Владислав Игоревич — магистр филологических наук, аспирант Минского государственного лингвистического университета.

Сфера научных интересов: французский философский роман, экзистенциалистский роман во Франции, литература эпохи Просвещения.

Information about the author

Avramenko Vladislav Igorevich — Master of Philology, Postgraduate Student of Minsk State Linguistic University.

Research interests: French philosophical novel, existentialist novel in France, literature of the Enlightenment

Статья поступила в редакцию 05.11.2020; одобрена после рецензирования 24.11.2020; принята к публикации 07.12.2020.

The article was submitted 05.11.2020; approved after reviewing 24.11.2020; accepted for publication 07.12.2020.